

ный порядок рифм и строгое равновесие полустиший были заменены свободной рифмовкой и асимметричным членением строк, дающим возможность то замедлять, то ускорять ритмическое движение. Однако и ритм шаира не умер. Он вошел в новое, более сложное целое, обогащая его.

Малайские критики называют С. Н. Масури реалистом. Его герой рано взрослеет и начинает понимать, что причиной его страданий является «строй, никогда не знавший жалости, бросающий наземь слабого, лишаящий его остатков сил».

Именно эта серьезность жизненной позиции и привлекла к поэту читателей и критиков, считающих, что в произведениях С. Н. Масури малайская поэзия обрела творческую зрелость, «спустилась с небес на землю».

Одна из основных тем произведений С. Н. Масури — патриотическая тема. Масури пишет о любви к родине и о ненависти к войне, он призывает к миру, искренности, гармонии. В его стихах звучит страх перед разрушением культуры и восхищение простыми тружениками — творцами ее. Важную роль в творчестве поэта играет философская лирика: раздумья о человеческой личности, о роли поэта и назначении поэзии.

По кругу тем близки к произведениям С. Н. Масури стихи его соратника по направлению — Усмана Аванга. В то же время они отличаются большей эмоциональностью, романтическим взглядом на мир. Все его произведения объединяет искренний гуманизм, человеческая теплота и сострадание к маленькому человеку — герою его стихов, рассказов и драм.

Время в малайской поэзии уплотнилось. Вечера еще в ней безраздельно господствовали традиционные формы, неслыханным новаторством казались обращение к свободному стиху, к гражданской тематике, а сегодня свободный стих наряду с новеллой стал наиболее распространенным жанром.

Нельзя не заметить, что слишком часто в малайзийских газетах и журналах появляются слабые, любительские опусы, но нельзя не заметить и другого — поэзия начинает занимать в жизни малайзийцев то подобающее ей место, которое занимала она некогда в малайском фольклоре.

Гражданственная лирика «пятидесятников», их свободный стих расчистили пути для новой поэзии. Однако уже следующее поколение поэтов не могло удовлетвориться известной декларативностью творчества предшественников, спешивших сказать очень многое и пренебрегавших порой важнейшими требованиями мастерства.

Молодые поэты, как и молодые прозаики, стремились к тому, чтобы читатель сам, без привычной подсказки и прописи, научился ориентироваться в создаваемом ими мире. Они творили этот мир не по известным наперед рецептам, а веря в свое образное видение, талант и писательскую совесть.

Симптоматичные перемены наметились в среде поэтов, идейно связанных с традициями «пятидесятников». Особенно заметны они в творчестве А. Самада Саида, нашедшего яркую символическую форму для выражения своих политических и социально-критических идей, придавшего им общечеловеческое звучание.

В стихотворении «Бешенство в огне» в образе возлюбленной поэта перед читателем предстает истерзанная войной Малайя. Вместе с поэтом вглядывается она в «пурпурное письмо» —

символ смерти и разрушения, стараясь узнать, что же ожидает их в этом мире. Поэт не может ответить на вопрос возлюбленной, он готов отчаяться, но в сердце его живет ненависть к войне и тем, кто наживается на ней. «Бешенство в огне» — одно из лучших антивоенных произведений в малайской литературе.

Нежным и полным сочувствия становится голос поэта в небольшом цикле «Под мерцающими звездами». Сюжет цикла прост: поэт получил письмо от молодой девушки-служанки, изверившейся в жизни, друзьях, семье, ищущей одиночества. Он старается утешить девушку, внушить ей надежду. Он готов разделить ее боль и страдания.

Значительный интерес представляет творчество группы молодых, возглавляемой С. И. Нуром (родился в 1933 году) и получившей в малайзийском литературоведении название «темных», или «трудных», поэтов. В эту группу входят А. С. Амина (родился в 1929 году), М. С. Яхья (в 1939 году) и ряд других поэтов.

«Темных» поэтов часто обвиняли в отказе от серьезных, важных для малайзийского общества тем, в уходе в герметический мир узколичных переживаний. Однако это едва ли справедливо. Так, М. С. Яхья опубликовал в 1964 году талантливую поэму «Возвращение рыбака», в которой рассказал о жизни рыбацкой деревушки, о тяжелом труде ее обитателей, их вечной заботе о хлебе насущном, зависимости от переменчивой стихии. С. И. Нур обращается к таким темам, как вдохновение, внутренний мир поэта, отношения Востока и Запада, борьба народов Азии и Африки за прекращение войн на земле.

Читая А. С. Амина, С. И. Нура, М. С. Яхью, часто вспоминаешь о второй — игровой стороне малайской поэзии, как будто бы случайно, как будто бы чисто звуковым сближением слов, которое вдруг открывает в них новые значения, разрушая привычные связи явлений, утверждает новое, более глубокое понимание.

Древняя традиция действенного слова, переосмысленная под влиянием тех перемен, которые принес XX век, но сохранившая свои важнейшие черты, и сегодня жива в малайзийской поэзии.

МАЛАЙСКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*

Будто месяц на колени упал.
(О неожиданном счастье.)

*

В нос целует, а в щеку кусает.
(О лицемере.)

*

Голубя на голубя ловят.

*

Идти вперед — пушки не пускают,
бежать назад — чин не позволяет.

СЛИ вы будете в Африке и попадете в лесную чащу, то с макушки высокого дерева к вам спустится золотой паук. Что ему от вас нужно?

...Случилось это давным-давно. Паука тогда никто не замечал: ведь он был просто букашкой и скрывался в чаще леса от всех, кто был больше или сильнее его.

Однажды, когда Паук по обыновению горько сетовал на свою судьбу, показался блестящий кортеж волшебницы Лазурного леса. Паук был ослеплен пышным шествием доброй колдуньи. Только раз в десять лет могла она совершать чудеса, и это был как раз такой день.

— Что сделать для тебя?— спросила волшебница Паука.— К чему ты стремишься?

— Ни к чему...

— Ты только жалуешься, а ничего не просишь?

— Это так,— вздохнул Паук.

— Тогда я сама дам тебе все, что только можно пожелать. Но смотри! Ты не должен раздавить ни одного светлячка.

Паук едва успел опомниться от неожиданности, как из-под земли выросли мраморные дворцы. Они были богато украшены золотом и жемчугом. Вспыхивали вправленные в яшму алмазы. Сверкали кровавые рубины, нефрит, бирюза. Тысячи чудесных цветов наполняли сады.

Это был не город, даже не королевство, это была целая империя!

Но богатство и власть че принесли Пауку счастья. Империя надо было расширять, пришлось объявить войну всем соседям. В течение долгих, долгих лет то на запад, то на восток посылали правитель армию за армией. Подданные платили кровавый налог (в их же собственных интересах, как говорил император). Паук разорял города, ссыла мятежных королей, всех, кто помышлял противостоять ему.

Дух самодовольства витал над столицей, заглушая жалобы народа, который не восхищался более своим властелином.

По всей земле рассыла император грозных гонцов, и напуганные короли спешили примкнуть к нему. Приверженцы предыдущего режима — советники, послы, дипломаты и генералы — осаждали трон Паука в ожидании мило-

ЦАРСТВО- ВАННИЕ ПАУКА

БЕРНАР Б. ДАДЬЕ

стей. Разве не составляют они особую касту кормящихся от щедрот всех правительств и переживающих любое из них? Привычные к политическим передерягам, они выходят из них, не потеряв ни волоска.

Хор льстецов не умолкал: «Великий! Могущественный! Непобедимый!».

Паук и вправду стал считать себя единственным двигателем вселенной. Без него не существовала бы земля! Без него померк бы свет! Ни люди, ни животные не узнали бы счастья! Без него..

Император, надо отдать ему должное, запретил дошедший и до наших дней обычай употреблять в пищу мясо. Повинуясь его приказу, хищники стали травоядными. Паучата безнаказанно дергали за усы львов: ведь львы были свергнутой династией.

Тон во всем задавал Паук. В подражание ему устанавливались моды на мысли и одежду. Он был вне критики.

Прошло десять, десять и еще раз десять лет, и двадцать пять из них составили годы убийства

и резни, изнурительного труда, непомерных податей, оскорблений и жажды мести. Случаи неповиновения участились, и придворные старались превзойти один другого, заглушая своей лезтью ропот народа. Празднества следовали за празднествами, как будто больше и думать было не о чем.

И вот Заяц, всем известный хитрец, обратил внимание на отсутствие светлячков в резиденции императора и раскрыл тайну могущества Паука. Император допустил оплошность, запретив светлякам доступ в столицу, и этим выдал себя.

Голод охватил всю империю, но в мире придворных все так же бесконечным потоком проходили пиры и оргии... Оспа опустошила страну. Она унесла отца, мать и брата Зайца и оставила отметины на его мордочке.

Народ вымирал, а во дворце бал гремел за балом, и Паук опять набирал солдат для новых походов.

Партия недовольных решила действовать. К Зайцу явились ее посланцы.

— О Заяц,— начали они,— наше несчастье бесконечно!

— Наконец-то,— фыркнул тот,— власть этого маскарадного короля и вам становится невыносимой!

— Мы избрали героический путь: мы убьем его.

— Ну-ну, нечего сказать, героическое решение.

— Что ты думаешь по этому поводу?

— О, все очень просто. Я следил за императором и узнал секрет его власти: убить Паука нельзя.

— Почему?

— Только он, сам того не желая может положить конец своему могуществу.

— У тебя есть кто-нибудь свой среди его слуг?

— Там много наших. Вы можете достать мне светлячков?

— В любой момент. Мы знаем, где живет семья этих многоножек.

— Отлично... Пусть их разбросают по всему дворцу. Это единственное верное средство против деспотизма, которое открыли еще древние.

— Свет? Много света?

— Да. Свет везде!

В тот же вечер Паук подскочил от неожиданности, увидев, что стены дворца кишмя кишат згретными насекомыми. Торопыга покинуть место, ставшее отныне опасным, он неосторожно наступил на светлячка. Это был конец.

Бернар Буа Дадье — выдающийся современный поэт, прозаик, фольклорист и общественный деятель Берега Слоновой Кости.

НОВЫЙ РОМАН МАРКАНДАЙИ

ПОЖАЛУИ, короче и лучше всего сущность нового романа известной индийской писательницы Камалы Маркандайи выражена в авторской ремарке: «Запад никогда не выносил Востока в неразбавленном виде...». Действие происходит в первые годы после обретения Индией независимости. В центре его сложные и подчас драматические взаимоотношения английской аристократки Каролины Белл, красивой, знатной наследницы недавних властителей колониальной страны, и безродного тамила Вальмики, крестьянского юноши-подпаска, обнаружившего дар незаурядного художника.

От признательности и любви к Каролине до конфликта и ненависти к ней — такова эволюция чувств и помыслов Вальмики. Это не история «киплинговского» конфликта между Западом и Востоком. Разрыв Вальмики с Каролиной — не только психологическая, но прежде всего социальная драма.

Интересен в романе образ писательницы Анасуйи — передовой женщины Индии. Это своеобразный «лирический герой» Маркандайи. Анасуйя на изображаемые события смотрит прежде всего глазами индианки, патриотки, отстаивающей своеобразие культуры своей страны, дальнейшее развитие лучших национальных традиций в новых условиях.

Роман Камалы Маркандайи в отличном переводе с английского А. Ибрагимова поможет нам лучше познакомиться с Южной Индией, ее свободолобивыми людьми и удивительной природой.

В. МАКАРЕНКО

Камала Маркандайя. Алчность. Роман. Перевод с английского А. Ибрагимова, М., «Прогресс», 1970, 223 стр.

Свобода поднимала народ против оплота деспотизма, символом которого стал Паук.

Перед взором Паука возникли картины побоища.

Зеленые жирные мухи с гудением вились над мертвенно-бледными телами; трупы никто не убирал и они вздулись и стали гулкими. Мухи чуть не лопались от сытости и с трудом переносили силы с места на место свои блестящие, как стеклянные бусины, брюшки.

Изогнув хвосты буквой «С» и подняв ядовитые жала, в боевом порядке шли скорпионы. Светляки-разведчики освещали поле боя то желтым, то зеленоватым фосфорическим светом. Кобры, гадуки, удавы — весь змеиный род выполз из укрытий.

Взбунтовавшиеся, галдящие ястребы, воробьи, вороны с белыми воротничками, кардиналы с бархатно-черной грудью, птицы-мухи и утки сомкнутым строем закрыли небо.

Обезумевший император думал зарыться в землю, но земля не захотела раскрыться перед ним. Ее возмутили превысившие всякую меру преступления Паука.

Он воззвал к небу, но небеса остались глухи. Император молил о пощаде восставших, но те все шли и шли. Он готов был забиться в любую щель, пытался спрятаться под листок, но листья, как заколдованная, осыпалась с деревьев, к которым он приближался. Стволы и ветви переплетались перед ним, огрезая путь к отступлению. Наваждение? Кошмар?

И внезапно он очнулся. Ни трона, ни нападающих. Все спокойно. Играя с солнечными лучами и пританцовывая на своих черенках, ласково шелестят листья. В воздухе сладкий запах спелых фруктов, аромат смолы и прелой листвы. Птицы весело порхают с ветки на ветку... Паук в своих старых отрешках находился на том же месте, что и в день встречи с доброй волшебницей. Тростник нашептывал все ту же грустную песню. Дворцы и слуги, богатства и пиршества — все растяло без следа.

— Что все это значит? Ведь я встретил на этом самом месте волшебницу Лазурного леса. Она сказала: «Я даю тебе все». Значит, мне это привиделось?

Нет, он не спал. Фея даровала ему все. У ног бывшего императора лежал раздавленный светлячок. Да, он нарушил условие, и пророчество сбылось.

Неподалеку сочился родник. Паук подполз к источнику, заглянул в прозрачную воду и в ужасе отшатнулся, увидя на фоне белого песка свое собственное лицо. Паук в золотых галунах и сверкающих украшениях, король празднеств и торжественных церемоний превратился в сморщенную букашку с бегаящими глазами. Это действительно был он, вчерашний император. Сбравшись с духом, он полез на ближайшее дерево. Оно оказалось самым высоким в лесу, и Паук день за днем в течение трех лет добирался до вершины. Он и сейчас еще там. Он ждет возвращения доброй волшебницы.

Вот почему, заслышав ваши шаги, росистым утром или прохладным вечером с кроны лесных гигантов опускается большой золотой паук. Он стремительно летит с вершины и повисает невысоко над землей. Паук думает, что это идет волшебница Лазурного леса.

*Перевела с французского
Е. Лившиц*

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ —

НГАНГА

В. ТРЕГУБЕНКО

ДОМ Томаса Магвазы стоит на дороге, соединяющей центральную часть Лусаки с пригородами. Прибывая в столицу Замбии, вы обязательно проедете мимо него. Он самый большой в районе, где живет около 30 тысяч африканцев; в доме есть электричество, специальная комната для осмотра пациентов, помещение для «госпитализированных» больных. В воскресенье и по вечерам Магваза принимает здесь, а в остальное время его можно видеть на базарной площади в центре города. Он торгует лекарствами и дает консультации. Ему сопутствует успех. Африканцы называют его «нганга», а вывеска на доме величает Магвазу «знаменитым африканским врачом».

Перевести с языка машона слово «нганга» нелегко. Это и предсказатель, и лекарь, и колдун. Нганга лечит травами и изгоняет дьявола, наказывает вора, прелюбодея и предсказывает причину смерти. В отдаленных районах, в отдаленных деревнях нганга имеют большую силу. К ним обращаются за советом, когда приходит время выбирать вождя племени.

Когда девушка соглашается стать женой юноши, она дарит ему какую-нибудь вещь, чаще всего платок. Если потом она откажет от своего слова, жених может отнести платок нганга, и тот

«нашлет» на нее бесплодие. Поэтому девушка дарит платок лишь тогда, когда она полностью уверена в своем выборе.

Нганга делятся на прорицателей и лекарей. Прорицатель — это знахарь самого высокого класса. Он определяет, от чего умер человек, чему машона придают большое значение. Как многие племена Центральной Африки, они считают причиной смерти гнев умершего родителя. Задача прорицателя — определить, чем вызван этот гнев. У машона всего несколько «специалистов» такой высокой репутации, и родственники умерших идут к ним за много миль, чтобы узнать мнение абсолютно беспристрастного человека. Плата взимается непосредственно перед «сеансом» и колеблется от фунта стерлингов до целого быка; в старое время для полной гарантии «диагноза» родственник умершего мог отдать нганга свою дочь.

Нганга встречает пациента в костюме из шкур, на голове — убор с перьями, на шее — нитка бисера с амулетом из рога животного. Из раскопок известно, что перед погребением мертвых первобытные люди отделяли у них головы. Затем черепа находились в их жилищах рядом с оружием и утварью. И обычай носить амулеты из кости животных — это далекий отзвук представлений древних о том, что мозг имеет магическую силу, защищает живых и может даже наказывать виновных.

Но вот нганга берется за дело. «Инструменты», которыми работают прорицатели, различны. Одни нганга просто смотрят в зеркало, другие наблюдают, как качается рог, подвешенный к тыкве, третьи бросают кости с вырезанными на них изображениями животных. Но все они пророчествуют в состоянии транса.

Определив причину болезни, нганга приступает к лечению. Он выставляет сосуды и бутылочные тыквы, наполненные истолченными кореньями. Почетное место среди них занимает большая тыква с лекарством — «гона». «Гона» переходит из поколения в поколение. Каждый нганга — эрудит в ботанике, а его знания ядовитых растений абсолютны. Изучение некоторых лекарств нганга показало, что рецепты их приготовления сходны с теми, что находили в папирусах Древнего Египта. Сколько же поколений нганга передавали их из рук в руки!

Применяют нганга и более «прозаические» медицинские банки, и надрезы на коже, в которые затем втирается масса из размельченных кореньев. Наш знакомый Магваза использует пенициллин и другие препараты. Он прошел курс первой медицинской помощи при государственной больнице и знаком с современными методами хранения лекарств. Он давно уже отказался от звериных шкур и амулетов, принимает пациентов в белом халате и шапочке. Короче, это уже не «чистый» нганга. От нганга у него осталось умение наладить с пациентом душевный контакт. Он знает, что, даже если не удастся достичь улучшения в физическом состоянии, перемена в настроении больного может принести ему облегчение.

Однако каким бы «современным» ни был нганга, он вынужден уступить дорогу медицине. Население африканских городов получает возможность лечиться в государственных больницах и клиниках. Медицина продвигается и в отдаленные деревни, чтобы предупредить болезни, растить здоровое поколение. Придет время, и знахарей окончательно вытеснят врачи.

УНИВЕРСИТЕТ «ЛОВАНИУМ»

Крупнейший из трех университетов Конго (Киншаса) — столичный университет «Лованиум». За последние пять лет число студентов в нем увеличилось более чем вдвое и составило 3300 человек (из них 130 девушек). Наибольшей популярностью пользуются факультеты экономических и социальных наук и медицинский.